

А. Г. Здравомыслов

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО *

Здравомыслов Андрей Григорьевич — доктор философских наук, профессор, директор Центра социологического анализа межнациональных конфликтов Российского независимого института социальных и национальных проблем, Президент Социологической ассоциации.

* В основу статьи положен доклад, представленный на конференцию «Многообразие интересов и институты власти», проведенную Социологической ассоциацией России совместно с Российской Академией управления в июне 1993 г. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 93-06-10174.

В настоящей статье речь пойдет не о социологии власти в целом — это огромная и неисчерпаемая тема. Я постараюсь ограничиться изложением того, что дает для понимания проблем власти постмарксистская и поствеберовская социология. Этот вопрос изучен пока недостаточно, тогда как классические концепции о классовой природе власти, отношениях господства и подчинения, трех вариантах властных отношений, предложенных М. Вебером в качестве идеальных типов, широко используются для анализа политических процессов [1].

Прежде чем перейти непосредственно к интересующей нас проблематике, необходимо сделать весьма существенную оговорку. Дело в том, что, рассуждая о власти, трудно избежать тех или иных оценок по поводу ныне действующих властных структур. Между тем принцип «свободы от ценностей», провозглашенный Вебером, — это требование приоритета ценностей науки и знания над ценностями политического характера [1]. Учитывая данное обстоятельство, попытаемся не смешивать науку и политику, отчетливо осознавая специфические особенности как того, так и другого вида деятельности.

Идея социального пространства и новое понимание власти

Понятие социального пространства одним из первых ввел в научный оборот Питирим Сорокин еще в петербургский период своей деятельности [2]. Он рассматривал его в связи с разработкой концепции социальной стратификации и социальной мобильности, подчеркивая, что и то, и другое характеризует определенное положение индивидов либо групп или изменение этого положения в системе координат, с помощью которой обозначается социальное пространство. Внимание социолога сконцентрировано на социальных группах, находящихся в определенных отношениях друг к другу. Каждая из них занимает свое положение в более широкой

общности, которая и выступает в качестве социального пространства для данной группы. В самом широком смысле социальное пространство, отмечает Сорокин, это народонаселение Земли [2, с. 299].

Идея социального пространства проистекает из того факта, что отношения между людьми во всяком обществе иерархизированы: есть «верх» и есть, следовательно, «низ». Есть возможности социального перемещения как в вертикальном, так и в горизонтальном направлениях, причем эти возможности тем больше, чем меньше в обществе «предписанных» ролевых позиций.

Вторая особенность социального пространства, отличающая его от евклидова геометрического пространства или от географических реалий, — многомерность.

Как известно, согласно классической постановке вопроса, власть представляет собою совокупность политических институтов, посредством функционирования которых одни социальные группы получают возможность навязывать свою волю другим и действовать в соответствии с так называемыми общими (общенародными, общегосударственными) интересами [3]. Центральное место среди этих институтов занимает государство, которое наделено правом и обязанностью говорить от имени народа или всего организуемого им сообщества. Более того, государство, по Веберу, это единственная инстанция, которая имеет право на применение насилия к своим гражданам в пределах своей территории [1, с. 645–646]. При этом отношения между групповыми и общегосударственными интересами могут быть различны. Они могут строиться на взаимном компромиссе и консенсусе, основываться на прямом доминировании интересов одной группы и исключении иных из сферы принятия решений, на подавлении других групп. Важным инструментом в системе осуществления властных функций, на чем бы они ни базировались, является идеологическое обрамление власти, ее идейное обоснование и оправдание, обеспечивающее легитимность властных институтов [4].

Новый подход к проблематике власти не отменяет этого умозаключения, которое в главных положениях утвердилось в политической науке со времен Платона и Аристотеля [5].

В XIX и XX вв. более подробную проработку в трудах Маркса, Вебера и Маннгейма получили вопросы идеологии. Однако позднее французские социологи Бурдьё и Фуко, а также Гидденс, Валленштейн, Хабермас и многие другие авторы стали увязывать проблемы власти с понятием социального или политического пространства.

Отчетливо осознавая, что люди страдают как от чрезмерного давления власти, так и от безвластия, ни одно направление современной социологии не поддерживает ни авторитарно-тоталитарных теорий, выраженных, например, в формуле «одна нация — одно государство», ни утопических концепций устранения властных отношений, создания общества без государства. Речь идет лишь об изменениях форм властвования, господства и подчинения, участия во власти и способах реализации гражданских прав.

Новые подходы не опровергают тех постановок вопроса о природе власти, которые сложились в социологической литературе XIX в., скорее, конкретизируют их и рассматривают в качестве частного

случая, подчеркивая лишь, что власть в любом современном обществе как бы разлита по всему социальному пространству, сосредотачиваясь в некоторых центральных точках в особо концентрированной форме. Эти точки нельзя сводить к выражению стоящих за ними сил и интересов. Они сами становятся средством организации последних, поскольку инициируют социальные действия.

Вот почему на столь распространенный вопрос «кому это выгодно?» далеко не всегда можно дать вразумительный ответ. Более того, сам вопрос предполагает, скорее, поиск достаточно трафаретных объяснений, наличие объективной заданности определенных групповых интересов, адекватно преломляемых в соответствующих целерациональных действиях. Однако кризисной ситуации в обществе присущи прежде всего размытость интересов, с одной стороны, и весьма сложный характер их осмысления и осознания, с другой. Положение групп людей в социальном пространстве оказывается сдвинутым, перспективы — неопределенными, многократно увеличивается зависимость не от устоявшихся стандартов и норм поведения, а от случайности, везения, «судьбы». Этим, кстати, объясняется нынешнее массовое увлечение различными мистическими и эсхатологическими концепциями, связанными с верой в «чудо».

Как бы то ни было, но отношения в обществе всегда складываются таким образом, что обладание властью или причастность к ней дают больший диапазон возможностей для тех, кто включен в политическое пространство. В современных условиях власть все в большей мере становится предметом самооценки не только благодаря тому, что открывает доступ к распределению материальных ресурсов — с ее помощью предлагается и утверждается определенная интерпретация мира. Не случайно Бурдье в одном из своих текстов выделяет подзаголовок: «класс как воля и представление» [6]. Политическая борьба ведется не только за статус и реальные позиции в структуре власти, но и за представления участников борьбы о социальном мире и за то, как расширить сферу влияния именно этих представлений (облеченных, как правило, в символическую форму). Значительная часть общих понятий, употребляемых в политической борьбе, а может быть, и все они: «класс», «нация», «народ», «интересы класса», «интересы народа», «государство», «демократия», «реформа» несут в себе четко выраженное символическое содержание. Во многих случаях с их помощью выдвигаются решающие аргументы в пользу той или иной политической позиции.

Когда публицист или представитель какой-либо общественной науки утверждает, что общество расколото на две противоположные группы — сторонников реформ и их противников, «прогрессистов» и «консерваторов», — то он лишь следует за политиками, которые само понятие «реформы» употребляют в качестве символа или пограничного знака, отделяющего «своих» от «чужих». Это и составляет неотъемлемую черту конфронтационной политики.

Выделяя наряду с социальным пространством экономическое, политическое и символическое, Бурдье уделяет особое внимание именно последнему.

В каждом из обозначенных пространств есть своего рода поля

властного взаимодействия, в границах которых осуществляется движение соответствующих видов капитала и прибыли, сосредотачиваются достижения и потери. В социальной жизни имеет значение не только экономический капитал, но и капитал символический, связанный, например, с престижем, достоинством и тем влиянием, которым человек обладает в рамках культурного пространства. «Соотношение объективных сил, — пишет Бурдьё,— стремится воспроизвести себя в соотношении символических сил, в видении социального мира, что способствует утверждению данного соотношения сил. В борьбе за навязывание легитимного видения социального мира, в которую неизбежно вовлечена и наука, агенты располагают властью, пропорциональной их символическому капиталу, т. е. тому признанию, которое они получают от группы» [6, с. 23].

Важный тезис Бурдьё (особенно для понимания кризисных ситуаций) заключается в том, что «структура социального пространства определяется в каждый данный момент структурой распределения капитала и прибыли, специфических для каждого отдельного поля, но тем не менее в каждом из этих пространств игры определение ставки и козырей само может быть поставлено на карту» [6, с. 25]. Иными словами, в пределах заданного социального пространства могут пересматриваться сами правила игры, в частности, разрушаются системы ценностных ориентации и психологически значимые точки опоры как в обществе в целом, так и в различных социальных средах или на различных участках социального пространства. Такое разрушение не может не сопровождаться глубокими личностными конфликтами, радикальными переменами личностных позиций, чему мы являемся ныне свидетелями. Разумеется, ценностный кризис общества лишь стимулирует внутренние личностные конфликты, которые находят более адекватное объяснение в рамках психоаналитических концепций, нежели с помощью собственно социологических построений¹.

Каковы бы ни были способы рационализации личностного участия в деятельности властных структур, в этой области, даже в условиях кризиса, сохраняется достаточно большой потенциал смыслообразующей мотивации. Любой политик обязан представлять свои действия как социально оправданные, обретающие смысл не в его собственных политических амбициях и устремлениях, а в интересах более широкого целого: прогрессивно мыслящей группы, рационально выработанной партийной программы и соответствующей ей практической политике, в благе народа, класса или нации. Даже если он не верит в провозглашаемые ценности, ему необходимо вести себя таким образом, чтобы у политических соперников было как можно меньше аргументов для упреков в сознательном цинизме. Именно в этом состоит его политический капитал, который он либо растрчивает, либо приумножает.

Еще раз подчеркнем: главное и определяющее в новом понимании

¹ Подробнее проблема связи социального конфликта с личностным рассмотрена автором в докладе «Нормы права и нормы обыденной морали в свете социологии конфликта», подготовленного для российско-французской конференции «Психоанализ и наука о человеке» 30 марта — 3 апреля 1992 г., Москва.

власти заключается в выявлении ее действительно активного или активистского начала. Власть не просто «отражает интересы», она творит новые отношения, конструирует социальный мир, модифицируя социальное пространство, причем «конструктивная» деятельность осуществляется независимо от того, переживает общество период стабильности или период кризиса, который сопровождается потерей управляемости, двоевластием либо безвластием.

Интенсификация процесса социальных изменений в постиндустриальном обществе означает не только увеличение числа различных центров власти и усиление их конкуренции между собой, но и расширение социального пространства, в рамках которого действуют соответствующие властные структуры. Кроме соглашений «семерки» по поводу финансовых кредитов российскому правительству и допуска представителей российской дипломатии и высших должностных лиц на соответствующие совещания и форумы, вхождение России в мировое экономическое пространство сопровождается и такими процессами, как увеличение «утечки мозгов», организация новых потоков информации, пересмотр многих постулатов, касающихся понимания государственной безопасности, превращение контактов с иностранными гражданами в элемент повседневной жизни, наконец, возникновение «российской» мафии в Нью-Йорке или «чеченской» — в Германии. Локальные интересы все в большей мере пронизываются глобальными проблемами, а некоторые из локальных проблем неожиданно приобретают глобальное значение.

Расширение диапазона действия власти означает, по сути дела, увеличение варибельности последствий любого властного действия. Это не следует понимать как достижение большей целерациональности. В точках пересечения политического, экономического и культурного пространства происходит обмен «капиталов»: властных преимуществ на финансовые возможности, тех и других — на символический капитал. При изменении траектории движения капиталов в социальном пространстве предусмотреть последствия этих перемещений и их общий социальный эффект невозможно.

В расколотом обществе все чаще проявляет себя закон бумеранга: результат действия нередко оказывается прямо противоположным декларируемому намерению. С социологической точки зрения это объясняется тем, что всякое действие власти встречает контрдействие со стороны оппозиции. Кроме того, в массовом сознании власть рассматривается в качестве некоторой самодостаточной сферы: все, что от нее исходит, воспринимается с недоверием или со скрытым сопротивлением. В итоге сама власть становится не регулятором конфликтов, а источником социальной напряженности, которая тем больше, чем менее признаны легитимные основания властных функций и полномочий в массовом сознании.

Сказанное подводит к выводу о вероятной саморазрушительной деятельности власти и властных структур. Активность, ориентирующаяся лишь на ближайший политический эффект, на победу над противником «здесь и сейчас», или, наоборот, уклонение от права использования власти могут повлечь за собой не менее

губительные последствия, нежели чернобыльская катастрофа.

Важнейшая тенденция современной социологии заключается в обращении к субъектности, к выявлению активного начала в социальном действии. Это, как говорится, общепризнано. Но далеко не все социологи отдают себе отчет в том, что активное начало реализуется прежде всего через властные отношения, через осмысленное участие в политическом процессе.

Сфера власти образует сложную систему, осуществляющую отбор определенных личностных типов, взаимоотношения которых образуют собственно политическое пространство — более узкое, чем социальное, но оказывающее на него решающее воздействие.

Власть и средства конструирования реальности

Как уже отмечалось, главное качество власти — способность к конструированию отношений между людьми. Рассмотрим возможные ответы на вопрос, каким образом осуществляется это конструирование.

Итак, первое объяснение. Политики имеют определенную, как бы теоретически обоснованную программу действий. В соответствии с нею они ведут дело к «совершенствованию общества», к созданию отношений, которых еще нет, но которые должны быть согласно теоретическим построениям.

Речь идет о рационалистической концепции власти: политик «знает» цель общества и сам ставит себя на службу этому знанию, применяясь к многочисленным обстоятельствам и получая удовлетворение от того, что, вопреки всему, идет намеченным курсом и добивается поставленной цели, по крайней мере в своем собственном сознании. Вариантом такой модели рационального целенаправленного поведения выступает концепция конструирования социальных отношений через законотворческую деятельность. Предполагается, что каждый законопроект опирается на более общие теоретические предпосылки и что проработка его, определяемая процедурами законодательного процесса, гарантирует ему рациональность и легитимность. Однако недавнее прошлое нашей страны (как, впрочем, и мировой опыт) опровергает эту модель прежде всего в той ее части, которая связана с доктриной будущего. Чаще всего подобная доктрина выступает средством идеологического контроля, направленного на охрану политического режима. А практика демократического развития не дает пока еще оснований для выводов о рациональном характере законотворческой деятельности.

Второй возможный способ конструирования социальных отношений властными структурами основан на либеральной интерпретации политики: взаимодействие в сфере властных отношений множества групп и интересов в итоге приводит к результату, который можно было бы назвать «общественным благом». Однако и эта точка зрения опровергается практикой тупиковых ситуаций. Интересы групп, действующих в сфере властных отношений, оказываются настолько противостоящими друг другу, а их сознание — настолько заостренным на конфликт, что возникает паралич властного действия, происходит потеря управляемости, а это служит мощным фактором, углубляющим

кризис.

Наконец, еще один вариант состоит в том, что властные структуры воспроизводят и конструируют ту систему отношений, которая возникает и развивается в их собственной среде. Не только «народ имеет такое правительство, какое он заслуживает», но и власть «создает общество по своему образу и подобию». Рассмотрим этот тезис подробнее.

Интересы народа и механизмы власти

Одной из главных составляющих конструирования общественных отношений является, на мой взгляд, интерпретация интересов народа, претендующая на их знание и легитимное представительство во властных структурах. Как свидетельствует наша (и не только наша) политическая практика, любые политические акции, движения или структуры стремятся легитимизировать свои действия с помощью формулы представительства интересов народа. Наиболее типичные аргументы по этому поводу были рассмотрены мною ранее [7]. По сути дела, та или иная интерпретация «интересов народа» тесно сопряжена с собственной жизненной картиной мира, основанной на интегральном восприятии действительности и включающей целый ряд смежных и параллельных категорий и понятий, например, «социальная справедливость», «равенство», «неравенство», «прогресс» и иные формы выражения общественного и личного блага.

Что же дает современная социология для понимания способов интерпретации интересов народа? Прежде всего она настаивает на аналитическом подходе к обоим понятиям, выделенным в подзаголовке. Можно утверждать, что с точки зрения современных социологических концепций сам термин «народ» представляет собой своего рода идеологическое клише. Его употребление (особенно в контексте взаимоотношений народа и власти) имплицитно содержит в себе притязание на то, что существуют некая структура, совокупность институтов, общественное движение или «научная точка зрения», которые достоверно знают, что такое «народ», и могут действовать от имени «его интересов».

Но поскольку, как выясняется, все политические движения и властные структуры претендуют на это представительство интересов и дают им прямо противоположные интерпретации, постольку становится очевидным, что эти понятия — главным образом и по преимуществу — есть, по сути дела, выработанное историческим опытом политической борьбы мощное средство завоевания политического пространства. А. Гидденс, настаивая вслед за Д. Хельдом на аналитическом подходе к понятию демократии как власти народа, ставит следующие три вопроса:

1. Кого надо считать «народом»?
2. Какого типа участие в правлении предполагается для него?
3. Какие условия ведут к его участию? [8].

Для европейских индустриальных обществ XIX в. ответы были вполне очевидными: «народ» — это эксплуатируемые классы, занятые в сфере материального производства, это пушечное мясо в войнах, которые явились средством построения «государств-наций». Но уже с точки зрения американского опыта данное понятие не

столь однозначно и определено, а в постиндустриальном обществе, которое строится на конституировании сфер деятельности, занимающих промежуточное положение между промышленным и сельскохозяйственным производством, с одной стороны, и политикой, с другой, однозначный ответ и вовсе затруднителен. Можно сказать так: чем меньше общество охвачено процессами модернизации, тем больше ясности и легитимности в употреблении понятия «народ».

Именно в условиях постиндустриального общества возникает потребность в социологическом анализе, ориентирующемся не на фиксацию классового положения, а на выявление статусных позиций, не на концепцию аккумуляции дифференцирующих признаков, а на идею взаимодополнения и обмена преимуществ и потерь в процессе социального обмена и социальной мобильности.

Поскольку Россия позже других европейских стран вступила на путь модернизации, здесь дольше сохранялась некая реалистическая совокупность смыслов, скрывающихся за понятием «народ». Однако в 30-е годы, когда модернизация стала осуществляться методами тотального насилия, ранее сложившиеся смыслы этого понятия по сути дела распались. Во-первых, государственная власть (партия-государство) выступала против «народа», создавая одновременно новую культурную элиту, или слой законопослушной интеллигенции. Во-вторых, в своих тотальных преобразованиях она опиралась на поддержку «народа». В-третьих, «народ» оказался пространственно разделенным колючей проволокой. В-четвертых, нельзя оставить без внимания и тот факт, что представители власти были выходцами «из народа».

Иными словами, «народ», многократно расколотый по разным основаниям, перестал быть неким однородным объектом властных воздействий, направленных к его благу или, наоборот, к гибели. Тем более он перестал быть и неким единым субъектом действия (за исключением четырехлетнего периода Великой Отечественной войны). При этом борьба за власть, институты власти и методы ее использования сделались мощнейшим средством раскола и народа, и общества. Как считает А.С. Ахиезер, раскол народа стал основанием для так называемого системного кризиса, вступление в который по-разному датируется различными политическими деятелями, историками и публицистами [9].

Не менее интересна и судьба такого политически значимого понятия, как «нация», особенно в условиях обострения межнациональных конфликтов. Здесь много общего с понятием «народ», но в качестве весомого аргумента добавляется этническая составляющая.

Как отмечает В.А. Тишков, в мировой литературе сложились две интерпретации понятия «нация»: объективистская (или «примордиалистская») и «конструктивистская» [10]. Первое толкование традиционно для нашего догматизированного обществоведения, второе — представлено в работах Э. Геллнера, Б. Андерсона и некоторых других современных авторов, опирающихся в своих выводах на изучение европейской истории и процессов колонизации [11]. В центре их внимания вопрос о соотношении нации и национализма. Согласно традиционной точке зрения, национализм — это выражение интересов нации, как

правило, крайняя и даже экстремистская их формулировка. В работах Геллнера обосновывается иной подход: нация — это производное национализма, а национализм — определенная форма осуществления государственной политики. Политическая идеология, концепции государственности, гражданственности, межгосударственных границ, системы образования и воспитания, опирающиеся на государственную поддержку и даже осуществляемые именно государственной властью, оказали на формирование сообществ, именуемых нациями, гораздо большее воздействие, нежели этническая и биологическая предопределенность, равно как и геополитические обстоятельства.

Следовательно, и здесь мы сталкиваемся с процессом конструирования общественных отношений, субъектом которого выступают властные структуры, а объектом — этнические сообщества.

Сложность вопроса в том, что исторический опыт каждой нации, каждого народа уникален. Один из наиболее важных аспектов этой уникальности заключается в неодинаковом соотношении собственно этнического и политико-идеологического, или мифологического, компонентов в современных национальных сообществах.

Политический опыт послереволюционной, тоталитарной, олигархической и перестроечной России, как и бывшего Союза ССР, служит лишь эмпирическим подтверждением данного тезиса. Новый подход к пониманию процессов образования наций позволяет утверждать, что конструирование наций не является исключительным уделом послереволюционного периода — это общемировой процесс. Такой вывод, в свою очередь, дает новые стимулы к осмыслению процессов суверенизации, которые должны быть поняты не через абстракцию «национальных интересов», а через формирование новых элит и борьбу между ними за перераспределение влияния в политическом пространстве с помощью новой символики.

В этой связи нельзя сегодня пройти мимо высказываний П. Сорокина, который утверждал, что в понятия «нация» и «национальный вопрос» вкладывается самое разнообразное содержание в зависимости от того, какова политическая позиция тех, кто эти понятия употребляет и эксплуатирует в собственных политических интересах².

Перейдем теперь ко второй стороне альтернативы «власть и народ». Прежде всего, напомним тезис Вебера о том, что любая власть опирается на те или иные формы признания ее законности, а ее легитимность входит в число важнейших механизмов, обеспечивающих ее функционирование. Кризис общества, смена форм правления и политического господства неизбежно проходят и через кризис легитимности. Анализируя взаимодействия господства и подчинения, социология обращает преимущественное внимание на вторую сторону этого отношения — обеспечение механизмов

² Разобрав ряд определений нации, Сорокин в статье «Национальность, национальный вопрос и социальное равенство» делает вывод: «В итоге, как видим, ни одна из теорий не удовлетворяет и не знает, что такое национальность. Национальности как единого социального элемента нет, как нет и специально национальной связи. То, что обозначается этим словом, есть просто результат нерасчленности и неглубокого понимания дела» [2, с. 248].

подчинения, поддержки и принятия властных структур.

Российская ситуация демонстрирует переплетение традиционных и харизматических способов обоснования легитимности власти при крайней неразвитости рациональных обоснований. В процессе перестройки, как известно, сформировался проект перехода к правовому государству, который не только не учитывал всей сложности политических преобразований, но и не считался со сложившимися стереотипами восприятия власти массовым сознанием.

Следующая крупная социологическая идея заключается в разработке концепции социального контроля, опирающегося на поощрение законопослушного поведения и принятие разнообразных санкций по отношению к носителям девиантного поведения. Некоторые известные публицисты настойчиво проводят мысль о том, что российский народ поддался провокациям, которые были инициированы группой заговорщиков, имевших свои основания для недовольства прежним общественно-политическим строем, и что, мол, интеллигенция не сумела объяснить массам всей пагубности последствий такого выбора. А вот на Западе люди поступили более благоразумно — отказались от революции и пошли по пути реформ. Подобные суждения не выдерживают критики ни с точки зрения соответствия историческим фактам, ни с точки зрения социологического анализа.

Работа известного французского социолога Мишеля Фуко «Надзор и наказание: возникновение тюрьмы» [12] имеет прямое отношение к выявлению тех механизмов добровольности подчинения властям, которые сделались важнейшими элементами социальных институтов европейской государственности. Автор показывает, что к концу XVIII в. в Европе объектом социального контроля становится не тело, а душа. На смену телесным наказаниям и смертной казни, осуществляемых в назидание народу публично, на площадях, пришло тюремное заключение, призванное воздействовать на душу и способствовать «перевоспитанию» преступника. Тюрма превращается в важнейший социальный институт всеобщего дисциплинирования. Она — не что иное, как дополнение фабрики, вбирающее в себя тех, кто не смог усвоить средств воздействия на личность, предлагаемых фабричной системой организации труда. При этом сама тюрма строилась и организовывалась в соответствии с принципом постоянного и всеобщего надзора (*surveillance general*), который в дальнейшем, в связи с развитием превентивных функций полиции, отделился от непосредственной тюремной жизни и стал самостоятельным институтом «правового государства», функции которого осуществляются с большей или меньшей избирательностью. В основе этой избирательности лежат идея иерархической организации общества и предпосылка потенциальной значимости отклоняющегося поведения наблюдаемого субъекта. Иерархический надзор подвергает индивида непрерывному контролю, который и выступает как важнейшая функция власти, элемент ее существования. При этом дисциплинирующая власть, которая становится инструментом селекции кадрового корпуса во всех областях деятельности, не замечается индивидом. Кроме того, формируется система документации, категоризирующая

законопослушное и отклоняющееся поведение во всех их разновидностях, благодаря чему каждый отдельный индивид превращается в частный случай более общего статистического распределения, по отношению к которому вырабатывается своя собственная норма властного контроля.

Фуко приходит к выводу о необходимости разработки «аналитики власти» не столько применительно к отношениям господства и подчинения на макроуровне, сколько на уровне повседневных человеческих отношений — в семье, в детском саду и школе, в производственном коллективе или спортивной команде. У каждой системы власти, утверждает он, есть своя автономия. Эти системы не могут быть выведены из государственных и классовых отношений. У них своя история, собственный путь развития, особые технологии и тактика. Но все эти системы, рассматриваемые в совокупности, представляют собой механизмы конфискации жизни с начала и до конца. Без уяснения всех систем осуществления власти невозможно понять, как идет реальный процесс воспроизводства и изменения социальных отношений [13].

Политический конфликт и возможности формирования рефлексивной политики

Итак, *интерпретация* понятий «интересы народа», «интересы класса и нации» является важнейшим инструментом конструирования социальных отношений. В этом заключается, если угодно, объективная функция власти, без выполнения которой она не может существовать. Однако это далеко не единственное средство конструирования социальной реальности. В том же ключе, кстати, следовало бы остановиться на более детальном анализе словосочетаний «вхождение в рынок», «включение в мировую цивилизацию», «утверждение самобытности России», «обращение к истокам» и других многозначных и потому весьма смутных понятий, активно используемых в современном символическом пространстве.

Расхождение в интерпретации само по себе может быть предметом теоретической дискуссии или содержанием постоянного «дискурса», который, в соответствии с представлениями современной социологии, составляет неотъемлемую часть социальной реальности. Здесь еще нет собственно политической борьбы, здесь формируются ее предпосылки и обоснования. Политическая борьба, сопровождающаяся кипением страстей, возникает при переходе от интерпретации понятий к «*номинации*» — публичному и официальному называнию соответствующих отношений.

Бурдье показал, что это один из наиболее важных этапов формирования новых отношений, конструирования социальной реальности. «Способность осуществить в явном виде, опубликовать, сделать публичным, так сказать, объективированным, видимым, должным, т. е. официальным, то, что должно было иметь доступ к объективному или коллективному существованию, но до тех пор оставалось в состоянии индивидуального опыта, затруднения, раздражения, ожидания, беспокойства, представляет собой чудовищную социальную власть — власть образовывать группы, формируя здравый смысл, ясно выраженный консенсус для любой

группы» [6, с. 21]. В результате называния-номинации завоевываются определенные позиции в политическом пространстве и формируются новые отношения. Публичность в современном мире невозможна без средств массовой информации, поэтому всякая власть стремится прежде всего обеспечить себе доступ к ним. Феномен номинации объясняет широко распространенный термин «четвертая власть». Массовое сознание воспринимает непосредственный источник своего информирования как реальный источник власти. От этой иллюзии не свободен и журналистский корпус; мотивация его деятельности сопряжена с престижем, т.е. с причастностью к власти по крайней мере в восприятии массового сознания.

Дальнейший социологический анализ выдвинутых проблем должен дать ответ на вопрос, какова доля исходящих от представителей высшего эшелона власти номинационных акций, имеющих конструктивное и деструктивное значение. Несомненно, значительная часть подобных акций рассчитана на провоцирование конфликтных ситуаций, создание конфликтной среды как определенного поля риска, в котором есть надежда на выигрыш.

Таким образом, третий шаг конструирования социальной реальности властными структурами, вслед за интерпретацией ключевых понятий и номинаций, заключается в *создании конфликтных ситуаций*. При этом активно используются как сложившиеся различия, так и новые социальные расслоения между, например, новыми богатыми и новыми бедными, между теми, кто имеет доступ к властным структурам, и теми, кто не имеет такого доступа, между экономическими интересами, опирающимися на различные источники образования и накопления капитала.

Обозначенные дифференциации, к числу которых относится и национальная принадлежность, усилиями, предпринимаемыми политическими лидерами, превращаются в актуальные и латентные конфликты.

В социологическом плане необходимо различать два уровня развертывания политического конфликта. Во-первых, в масштабах всего политического пространства по поводу легитимности власти, ее признания-непризнания, частичного признания и частичного непризнания, а в более интенсивной форме — по поводу поддержки / неподдержки властных структур. Обширный материал для анализа политического конфликта этого уровня дают результаты референдума 25 апреля 1993 г., ход подготовки и проведения выборов, референдума по Конституции 12 декабря 1993 г. и иные акции подобного рода.

Второй уровень — конфликтные отношения внутри самих властных структур по поводу объема властных полномочий. До событий 21 сентября — 4 октября 1993 г. каждая из сторон конфликта, достаточно четко обозначившая себя к тому времени, вела борьбу за расширение своего влияния в политическом пространстве. В этом — суть политического процесса и сокровенный смысл политической деятельности. Политик тем и отличается от прочих смертных, что каждый момент жизни подчиняет именно этой задаче — расширению политического влияния, обеспечению поддержки и завоеванию тем самым политического пространства в ущерб своему противнику.

Здесь мы подходим к четвертому способу, с помощью которого власть конструирует социальную реальность. Речь идет о *выборе средств политической борьбы*, среди которых особое место занимают насильственные меры. Планирование насилия, как правило, не декларируется ни одной из конфликтующих сторон. Оно совершается как бы спонтанно, в результате некой «инициативы с мест». Однако победа с помощью аргументов оружия наносит ущерб не только побежденным, но и победителям, открывает путь к трагическому развитию событий, к напрасным жертвам, усилению взаимной отчужденности и враждебности. Опыт показывает, что применение насилия в большой политике можно прогнозировать с того момента, когда прекращается общение конфликтующих сторон.

После всего пережитого массовым сознанием можно сказать: само общество таково, каковы средства борьбы за власть, избираемые политическими оппонентами. Именно они, в гораздо большей мере, чем иные факторы, включая отношения собственности, определяют характер общественных отношений en gros.

В течение длительного времени в российском политическом пространстве велась борьба на четырех основных полях. Это конституционный процесс, приватизация, соотношение локальных и общероссийских интересов и вхождение в мировую цивилизацию. Ни на одном из них исход борьбы не был предопределен. Россия находилась в повышенной зоне риска, и, следовательно, на каждом из полей политического пространства был возможен выигрыш, но возможен и проигрыш.

Выигрыш на первом поле означал формирование правового государства, обеспечение более высокого уровня легитимности власти, а проигрыш — углубление раскола. Выигрыш на втором поле — это стимулирование производства, соединение производства и потребления через рыночные отношения, проигрыш — быстрый рост безработицы.

На третьем поле выигрыш означал формирование общероссийской государственности, проигрыш — распад государства. В четвертом случае выигрыш — это партнерство с более развитыми в экономическом отношении странами и структурами, проигрыш — превращение России в одну из стран третьего мира, полное подчинение ее экономики интересам зарубежного капитала, который функционирует отнюдь не на основе благотворительности и бескорыстной помощи.

Каждая группировка, действовавшая в политическом пространстве, видела ситуацию как бы из своей части поля и поэтому замечала лишь один из альтернативных вариантов развития, не принимая во внимание противостоящей тенденции и углубляя тем самым раскол общества.

Медленное реформаторство, характерное для перестройки (1985—1991 гг.), объяснялось прежде всего нежеланием вступать в зону риска. Но, по-видимому, без прохождения этой зоны, которое требовало смены политического менталитета в высших эшелонах власти, серьезные социальные изменения оказались невозможны. Весьма маловероятен и выход из зоны риска без потерь. С этой точки зрения распад СССР следует понимать не как естественный результат борьбы с имперскими амбициями и не как закономерное

повторение исторических судеб, постигших все великие империи, а скорее как плату за сопротивление реформам, проигрыш на одном из решающих участков политического пространства при выигрыше на другом его поле.

В заключение остановимся на некоторых моментах, характеризующих развертывание политических конфликтов в России и в так называемых цивилизованных странах. Там, где наблюдался более ранний переход к стадии постиндустриального общества, дихотомизация конфликта преодолевалась быстрее и надежнее. Сейчас российское общество, может быть, более болезненным путем, движется к той же стадии развития. Конфликты многогранны, поскольку разгораются в многомерном социальном пространстве с массой точек напряженности. В нашей стране большая идеологизация конфликтов связана с определенной традицией.

Главное же отличие конфликтов, развертывающихся в политическом пространстве России, от тех, которые происходят во властных структурах европейских государств, США, Канады и других цивилизованных стран, заключается в том, что там эта политическая борьба ведется на основе установившихся правил, отчасти закрепленных законом, отчасти признаваемых общественным мнением. У нас же они еще не сложились, борьба идет «не по правилам», что усугубляет остроту ситуации и повышает непредсказуемость исхода.

Кроме того, в российской культуре, по сравнению с европейской, невелика ценность человеческой жизни и личного достоинства гражданина, в том числе и достоинства политического деятеля, который обычно воспринимается как носитель своекорыстных интересов. Все это порождает опасность перерастания нормальных конфликтов по поводу расширения сферы влияния тех или иных лидеров и политических группировок в конфликты насильственного порядка, более того, длительные тупиковые ситуации, которые, в свою очередь, оказывают разрушительное воздействие на экономику и всю систему социальных отношений.

Конечно, можно сказать, что так оно и должно быть, поскольку общество переживает цивилизационный сдвиг и еще долгое время будет подвергаться «социотрясениям» различного рода (термин Б.А. Грушина [14]). Однако, как мне представляется, возможны и иные варианты. Я связываю их прежде всего с идеей рефлексивной политики. Суть ее в отказе от скороспелых решений, сулящих сиюминутные выгоды одной из сторон, задействованных в конфликте. Рефлексивная политика строится на осмыслении собственного опыта и извлечении уроков из ошибок и неудач. Таково ее *первое* правило.

Второе правило состоит в уважении к достоинству противника, в отказе от стремления превратить его во врага. Это сопряжено с более основательным просчетом возможных контрдействий оппонента в ответ на предпринимаемые действия.

Третье правило — поиск взаимовыгодных решений, что, разумеется, требует высокой политической культуры.

Все эти правила проистекают из того понимания власти, которое предлагается современной социологией. Власть — не только использование и накопление политического капитала, в еще большей мере она становится в настоящее время средством накопления

символического капитала, который безусловно может стать источником и результатом неконфронтационной, т. е. рефлексивной политики.

Заключение

Предложенное понимание власти не следует смешивать с волюнтаристским пониманием политики. Власть конструирует социальную реальность, но отнюдь не согласно заранее разработанному плану, а произвольно, в соответствии со своей социальной природой. Во всяком случае, рациональное обоснование будущего не имеет в этом процессе существенного значения.

Прежде всего, политическая власть не однородна не только в формально-правовом отношении, но и в содержательном смысле. Во-вторых, полагая себя в ткань социальных отношений, она постоянно наталкивается на сопротивление материала, и само это сопротивление, и попытки его преодоления деформируют власть. В-третьих, политическое пространство как главное поле действия власти перекрещивается с пространством экономическим и культурным. При этом культурный капитал задает позитивное содержание политической деятельности, а экономический в значительной мере определяет пределы социального действия и соответствующих политических усилий.

Выработка неконфронтационной системы власти — совершенно новая задача. Возможности решения ее еще неизвестны. Во многом они будут определяться тем, насколько плодотворным окажется соединение аналитических подходов, предлагаемых от имени социальных наук, в том числе и социологии, и тех элементов политической элиты, которые готовы к рефлексивному мышлению, а, следовательно, и к осуществлению рефлексивной политики.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения / Под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990.
2. Сорокин П. А. Социальная и культурная мобильность // Питирим Сорокин. Человек, цивилизация, общество / Под ред. А. Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (глава из «Немецкой идеологии») // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. Т. 1. М.: Политиздат, 1979.
4. Thernborn G. Ideology of Power and Power of Ideology. L.: Verso Editions and NLB, 1980.
5. Dahrendorf R. In Praise of Thrasymachus // Dahrendorf R. Essays in the Theory of Society. Stanford: Stanford California Press, 1968.
6. Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов» / Вопросы социологии. Т. 1. М.: Адапт, 1992.
7. Здравомыслов А. Г. Возможен ли еще оптимизм? // Лит. обоз. 1990. № 10. С. 71—78.
8. Гидденс А. Политика, управление и государство // Рубеж. Альманах социальных исследований. Сыктывкар, 1992. № 3. С. 86.
9. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М.:

Философское общество СССР, 1991. Т. 3. С. 290—291.

10. Тишков В. А. Межнациональные отношения в Российской Федерации. Доклад на заседании Президиума Российской академии наук 23 февраля 1993 г. Москва, 1993.

11. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1; Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.: Verso, 1983; Tombs R. Some developments in the History and Theory of Nationalism. Paper presented for seminar of Sociological Association in Moscow, 1993.

12. Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. Paris, 1975.

13. Линдгрэн С.О. Мишель Фуко и история истины // Монсон П. Современная западная социология. Теории, традиции, перспективы. СПб.: Нотабене, 1992.

14. Грушин Б.А. Смена цивилизаций? // Свободная мысль. 1991. № 18. С. 29.